

УДК 81'1

Некоторые особенности метаязыка современной лингвистики

Сидельников В. П., Марченко Е. А.

*Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина
vokinledis37@gmail.com, el.mrchnko@mail.ru*

В работе рассматриваются такие особенности современной лингвистики, как сложность терминологической системы и ее подсистем, отражающих многообразие парадигм современной лингвистики; наднациональный (интернациональный) характер современного метаязыка лингвистики; основные функции метаязыка (формирование, трансляция, развитие лингвистического знания)

Ключевые слова: *метаязык, формирование, трансляция, развитие научного знания, наднациональный характер метаязыка, дидактический аспект метаязыка.*

Одной из особенностей современной лингвистической науки является ее многополюсность и многомерность. В этой связи проблемы метаязыка лингвистики приобретают особую **актуальность**. Метаязык – это язык науки, служащий средством описания естественного языка. Метаязык – это система, включающая в свой состав общенаучную лексику и номенклатурные знаки. Но стержнем метаязыковой системы являются термины. Ядерную часть семантического поля лингвистической терминологии представляют отдельные тематические блоки: *лексикология, фонетика, морфемика, словообразование, грамматика, стилистика и другие*, которые, собственно, и представляют классику, фундамент самой науки лингвистики. Терминосистема, составляющая основу метаязыка, является средством аккумуляции, результатом исследований многочисленных школ, направлений. Таким образом, метаязык является своего рода энциклопедией знаний о языке [7].

В своей основе фундаментальные классические термины лингвистики (греко-латинские по происхождению) носят интернациональный характер: *субституция, персонификация* и многие другие. Такие термины, длительно и регулярно употребляемые, имеют четкие и однозначные дефиниции в разных языках. Европейская лингвистическая терминология продолжает греко-римскую традицию. Точнее можно было бы обозначить само развитие этой терминологии через этапы: *греческий*, затем следует *римский (латинский)* этап терминологии, следующим этапом является развитие терминологии на *латинской основе в романских европейских языках*, следующий этап - *английский* (при этом нужно иметь ввиду историческое влияние французского языка на корнеосновы английского, а затем распространение англоязычной терминологии в лингвистике различных стран не только европейского региона). В Западной Европе латинская грамматическая терминология поддерживалась в течение столетий школьным преподаванием латинского языка. В русской школьной практике до XVII века латинский язык не имел места, как вообще не было настоящего школьного учения, и поэтому латинская терминология была совершенно непонятна. Русскими книжниками она была получена в готовом виде в юго-славянской редакции из «Книги философской о восьми частях слова» Иоанна Дамаскина, составленной по греческим источникам XIV века в Сербии [4, с. 57 – 67]. Это сочинение пользовалось

большой популярностью в русской допетровской книжности, и уже здесь дана почти вся базовая грамматическая терминология, представляющая собой дословный перевод греческих названий: *re μ a* – речь, то есть глагол; *epire μ a* – наречие; *antonimia* – местоимение. Вот почему грамматическая терминология воспринимается как нечто тяжеловесное, не вполне осмысляемое со стороны этимологического значения отдельных терминов. Даже профессор Каченовский М.Т., которого Пушкин «по старомодности языка и вкусов» ставит в один строй с соавтором «Телемахиды», возмущался русской грамматической терминологией, которая и донныне безобразит русскую грамматику. А потому предлагает изгнать из грамматики многие слова, поскольку они лишены внутреннего смысла (по-нашему, имеют «затемненную внутреннюю форму»): *падеж*, *наречие*. В этом отношении примечательна мысль Даля, которую он высказал на собрании «Общества любителей Российской словесности»: «Я робел перед трудностями задачи, считая ее непосильною, потому что недоставало общих познаний языковедения, недоставало даже того, что у нас называют основательным знанием своего родного языка, то есть научного знания грамматики, с которою я был в разладе, не умея применить к нашему языку и чуждаясь ее. Я всюду встречал в русской грамматике латинскую и немецкую, а русской не находил». Примечательна в этом отношении история некоторых классических терминов русской грамматики. Так, первоначально существовал термин «*падение*» как точный перевод греческого *ptosis* – полет. У Дамаскина «кожно имя» делится на пять падений: *права*, *родна*, *виновна*, *дательна*, *звательна* (ибо в греческом языке *ptosis* женского рода). Слово «*падеж*» в грамматических текстах XVII ст. – это уже перевод латинского слова «*casus*» от глагола *cado* «падаю», а в латинском языке это уже точный перевод с греческого *ptosis*. Как видим, метафоризация слова-термина очень замысловата и трудноуловима, ибо метафора всегда привязана ко времени и обстоятельствам, которые обуславливают семантический перенос.

Язык науки – это сложное, внутренне дифференцированное многослойное образование, строение и функционирование которого определяется задачами *формирования, трансляции и развития* научного знания. *Формирование*, по Эйнштейну, – это извлечение общей истины из частных наблюдений. Представленные знания в термине являются своеобразной путеводной нитью в хаосе чувственных восприятий [1, с. 1–2].

Трансляция – это передача квантов знания, закрепленных в терминах, как не покажется странным, сформировавшихся в голове отдельных личностей, в одиночестве творящих научные понятия. В этой связи Эйнштейн задается вопросом: «На чем же основана тесная связь между языком и мышлением. Разве нельзя мыслить, пользуясь не языком, а лишь понятиями и комбинациями понятий, для которых невозможно подобрать слово? Разве не случалось каждому из нас подыскивать слово уже после того, как он ясно осознал связь между предметами? И далее ученый отвечает на этот вопрос так: «Мы были бы склонны приписывать акту мышления полную независимость от языка, если бы индивидуум формировал или мог формировать свои представления, не общаясь с другими людьми посредством языка. Следовательно, одинаковый язык означает одинаковое мышление. В этом смысле мышление и язык связаны друг с другом» [1, с. 1–2].

Наука с помощью терминов стремится к предельной точности и ясности понятий. К какому размышлению о языке современной науки может привести отрывок из одной книги: «*Акт воления эссенции к самоэкспликации в собственную экзистенцию и ее (эссенции) реализация, приводящая непосредственно к материализации данной эссенции, заставляет данную эссенцию раствориться в собственной экзистенции. Материализация эссенции есть растворение эссенции в собственной экзистенции*». Такая форма представления «концентрата» интеллектуального продукта, каковым

является заключение, делает его недоступным для восприятия читателем. Вот почему проблема метаязыка – это проблема понимания, точности, ясности изложения. Так, Марр во время Первой мировой войны ездил в Париж и изложил «Яфетическую теорию» французскому академику и чл.-корреспонденту Российской Академии наук Антуану Мейе. Выслушав его, Мейе заявил, что до некоторой точки он за ним следил, но, начиная с этой точки, он перестал его понимать [2, с 448].

И, наконец, *развитие* научного знания. Знание порождает новые знания. Знаменательна в этом отношении мысль Ю.С. Степанова о том, что «значения обиходных слов, которые употребляются не только в общем языке, но и в науке, постоянно стремятся к научному понятию как своему пределу, но достигают его каждый раз тогда, когда наука (или техника) уже оставят это понятие и, отталкиваясь от него, ушли вперед» [8, с. 128]. Так, слово «*текст*» изначально «*написанное и напечатанное*» приобрело статус термина как *сложная единица синтаксической структуры*, затем слово «*текст*» вошло в систему терминов, связанных с теорией речевой деятельности, то есть текст понимается как продукт этой деятельности. И, поскольку, слово «*текст*» стало семантически и функционально-терминологически перегруженным, то естественно появление термина «*дискурс*», который Кубрякова семантизировала в форме образного выражения: «Дискурс – это текст, встроенный в жизнь». На наш взгляд, такая метафора более эвристична, чем многочисленные определения, представленные в словарях и научных работах по лингвистике. Справедливости ради следует заметить, что и термин «*дискурс*» имеет многочисленные и иногда далекие друг от друга толкования. Так, у Ван Дейка [3] мы находим 6 определений термина «*дискурс*»: 1) дискурс в широком смысле (*как комплексное коммуникативное событие*); 2) дискурс в узком смысле (*как текст разговоров, то есть продукт речевой деятельности*); 3) дискурс как конкретный разговор (*в смысле «этот дискурс», «его дискурс», «эти дискурсы»*); 4) дискурс как тип разговора (*как типы вербальной продукции*); 5) дискурс как жанр (*«новостной дискурс», «политический дискурс», «научный дискурс»*); 6) дискурс как социальная формация (*«коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс», «западный дискурс»*). По поводу последнего дискурса позволю себе лирическое отступление. Как известно, Наум Хомский не только известный лингвист, но и не менее известный публицист. В одном из своих интервью, посвященных событиям в Сирии, обоснование США военного вторжения в эту страну без санкций Совета безопасности «*обязанностью защищать*» Хомский называет «*продуктом западного дискурса*».

Одной из особенностей метаязыка современной лингвистики является интернациональный, а иногда и наднациональный характер. Последняя характеристика заимствована у Эйнштейна. Наднациональный характер научных понятий метаязыка обусловлен тем, что такие термины были созданы лучшими умами разных стран и народов. К числу таковых следует отнести следующие: *гипертекст* (Нельсон, 1960), *фрейм* (Бейтсон, 70-е гг. XIX в.), *диктум* (Балли, 50-е гг. XX в.), *когнитивная лингвистика* (Лакофф Томпсон), *дискурс* (Бенвенист) и многие другие.

Особенностью становления современной лингвистической терминологии является ее *англизация*. Это явление называют «*языковым империализмом*», то есть доминирование англоязычных терминов, обусловленное установлением и постоянной поддержкой структурного и культурного неравенства между английским и другими языками.

Еще одним из признаков метаязыка в современной отечественной лингвистике является мода на отдельные термины. К числу таковых можно отнести ранее упоминаемый термин «*дискурс*», а наряду с ним, такие, как «*когнитивизм*», «*концепт*» и другие. Поражает, в первую очередь, бесконечное число определений отдельных терминов. Они страдают многословностью, неконкретностью и расплывчатостью.

Расплывчатость в толковании многих лингвистических понятий (*Ван Дейк заметил, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными*) определяется тем, что на более высоком этапе развития языка, когда появляется достаточно много абстрактных понятий, язык становится инструментом мышления, но именно здесь язык становится относительно самостоятельным по отношению к мышлению, что затрудняет установление истинного соотношения слова и предмета мысли, названного этим словом [1, с. 1–2].

Примером тому могут служить этимологические изыскания в области терминологии, которые обращены не к самому объекту, называемому этим словом, а, собственно, к самим словам и их внутриязыковым связям. Наглядным тому примером служит статья В.З. Демьянкова «О понятии и концепте». Владение многими (более чем пятьюдесятью) языками автором позволяет ему проследить историю термина «концепт как «зародыш» в языках романского, германского ареала и в русском языке. Но после прочтения статьи складывается впечатление, что выводы, к которым приходит автор, существуют сами по себе независимо от логики содержательной части исследования [5, с. 22–37].

Корпус лингвистических терминов – это современный энциклопедический взгляд на систему и структуру языка, который развивается и изменяется в тесной связи с развитием и изменением общества. В таком корпусе представлены как традиционные (устоявшиеся), так и новые термины и понятия, возникшие в языке в середине и конце XX – начале XXI вв. и связанные с достижениями в области когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лексикографии, герменевтики, лингвистики текста, речеведения, психолингвистики, нейролингвистики, теории речевых актов, гендерных оппозиций, с развитием компьютерной лингвистики и созданием большого числа электронных (онлайновых) словарей, с актуализацией важных проблем речевой деятельности, культуры письменной и устной речи в средствах массовой информации, с новыми подходами к методике преподавания языка и лингводидактике: *дискурс, геитальт, фрейм, глайд, сэмпл, спич, слоган, гипертекст, интертекст, смайл, эмотикон, киберкоммуникация, онлайн-словари, компьютерная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвистическая экология*.

Многообразие лингвистических школ, направлений, течений создает впечатление, что сама лингвистика как наука «вышла из берегов и заливаает мыслительное пространство ее исследователей». В этом лингвистическом море появляется «подводные камни» в виде эклектики, субъективности и утраты преемственных связей с классической наукой. Это не может не сказаться на вузовской подготовке специалистов, метаязыковая обученность которых может выбиваться из единой парадигмы лингвистики, нарушая этим самым цельность, единство теоретической базы, что особенно важно при подготовке будущих филологов. Экспериментальные исследования в Кубанском государственном университете позволили сделать вывод, что студенты филологического факультета, по мере накопления знаний от курса к курсу, склонны к междисциплинарной терминологической интерференции. Так, при определении понятия «метаязык» 22 % студентов ответили, что это *язык науки, специальный язык*; 17 % опрошенных считают, что метаязык – это *праязык, прародитель, основа современного языка*; 10 % затруднились что-либо ответить; около половины респондентов дали разнородные характеристики типа: *«философский язык», «иностраный язык», «художественный язык», «язык в своем первоначальном виде», «искусственный язык»* и т.д. А такие термины, как «модель», «парадигма», «дистрибуция», «актант» оказались незнакомы большей части студентов [6].

Подводя итог, скажем, что есть несколько основных направлений, характеризующих состояние и развитие метаязыковых систем: интеграция лингвистики и других наук, антропоцентризм и гуманитаризация научных методов; инновация и установка на

качественно новое кодирование парадигмы лингвистических знаний. Важно при этом исходить из принципа, что интеграция лингвистики и других наук должна проводиться на основе их координации, а не в результате интервенции «чужого». Для ориентирования в этом почти безмерном океане терминов очень важна работа по созданию отраслевых терминологических словарей, которые окажут практическую помощь в истолковании терминов при чтении лингвистических текстов и при усвоении лингвистических знаний.

Список литературы

1. Альберт Эйнштейн. Всеобщий язык науки [Электронный ресурс] / А. Эйнштейн. – Режим доступа: http://www.jnana.ru/science/einstein_language.html
2. Аничков И.Е. Очерк советского языкознания / И.Е. Аничков // Сумерки лингвистики. Антология. – М.: Academia, 2001. – с. 576.
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса / Т.А. Ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
4. Данилов В.В. Этимология грамматических терминов. / В.В. Данилов // Русский язык в школе, 1937. – № 4. – С. 57– 67.
5. Демьянков В.З. О понятии и концепте / В.З. Демьянков // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е. П. Чельшова. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 22 –37.
6. Немыка А.А. Интеграция объектно-предметных связей языкознания и других наук. [Электронный ресурс] / А. А. Немыка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-obektno-predmetnyh-svyazey-yazykoznanija-i-drugih-nauk>
7. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К, 2010. – 844 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов. –М., 1997. – С. 128.

Сидельніков В. П., Марченко Є. О. Деякі особливості метамови сучасної лінгвістики // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.25-29

У роботі розглядаються такі особливості сучасної лінгвістики, як складність термінологічної системи та її підсистем, що відбивають розмаїття парадигм сучасної лінгвістики; наднаціональний (інтернаціональний) характер сучасної метамови лінгвістики; основні функції метамови (формування, трансляція, розвиток лінгвістичних знань)

Ключові слова: *Метамова, формування, трансляція, розвиток наукових знань, наднаціональний характер метамови, дидактичний аспект метамови*

Sidelnikov V. P., Marchenko E. A. Some peculiar properties of meta-language of present-day linguistics // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.25-29

In article such features of modern linguistics, as complexity of terminological system and its subsystems which reflects variety of paradigms of modern linguistics are considered; supranational (international) character of modern meta language of linguistics; main functions of meta language (formation, translation, development of linguistic knowledge).

Keywords: *meta language, formation, translation, development of scientific knowledge, supranational character of meta language, didactic aspect of meta language*

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.